

Всё ещё люблю

Автор:

Лидия Андрианова

Всё ещё люблю

Лидия Сергеевна Андрианова

Однажды мне пришлось предать его. Разрушить все прекрасное, что у нас было. Разбить ему сердце, выйдя замуж за другого. Более успешного и богатого. Он возненавидел меня. Но его ненависть ничто по сравнению с моей. Для всех я была счастливицей, отхватившей себе красавчика мужа с огромным состоянием и души не чаявшего во мне. И только я знала, что кроется за счастливым фасадом "благополучной семьи". Какое чудовище скрывается за обаятельной маской, что предпочитает носить мой муж. Моя жизнь не была сказкой, как считали все вокруг. Я жила в аду. Была женой нелюбимого мужчины, в то время как тот, кто жил в моем сердце, ненавидел меня всей душой. От автора: Это короткая история о настоящей любви, выдержавшей испытания судьбы и времени. "Когда кажется, что твоя жизнь непроглядная тьма, вспомни, что без тьмы не существует света. Свет обязательно разбавит тьму и принесет в твою жизнь новые краски. Только дождись и поверь". ХЭ - Обязателен).

Лидия Андрианова

Всё ещё люблю

Глава 1

Что должна чувствовать жена на церемонии прощания с мужем?

Боль утраты? Скорбь? Опустошение? Тоску? Она должна быть убита горем и проклинать всевышнего, отнявшего у нее любимого?

Возможно... Любящая жена бы все это и чувствовала. Но не я.

Когда мне сообщили о смерти мужа, я не поверила. И не верила до конца, пока не увидела его тело в морге. Но даже тогда мне казалось, что он сейчас откроет глаза и издевательски произнесет: «Поверила?! Решила, что теперь свободна?».

Он мог такое выкинуть. Жестокие розыгрыши были его коньком. Как и ложные надежды, которые он периодически мне подкидывал, а потом беспощадно растаптывал.

Жестокий мерзавец!

Подготовка к похоронам прошла мимо меня. Все вокруг считали, что я ушла в себя из-за утраты. Ведь у нас была такая «счастливая» семья. А теперь ее главы не стало.

Отовсюду слышалось тихое: «Такой удар», «Такая утрата», «Бедная, еще такая молодая, а уже потеряла любимого».

Я их не разубеждала. Пусть думают что хотят. Правда заключалась в том, что мне было плевать. По мне так он даже похорон не достоин.

Я давно смирилась с тем, что окружающие считали мою жизнь сказкой. Мой муж умел в совершенстве манипулировать и притворяться. Все верили в его искреннюю любовь ко мне.

И только я и мой четырехлетний сын знали, каким чудовищем был на самом деле мой муж.

Пять с половиной лет назад он шантажом вынудил меня выйти за него. Мне было восемнадцать, и я боялась, что моя семья обанкротится, а отца посадят, поэтому согласилась на его требование. Отказалась, предала того, кого любила всем сердцем, ради благополучия своей семьи.

Как же я об этом жалела... Сколько ночей провела без сна, проклиная свой выбор... Я мечтала повернуть время вспять. Упасть в ноги любимому и молить о прощении. Знаю, он бы тогда понял и, может, даже простил бы.

Но было поздно... Слишком поздно. Я уже была замужем и в полной власти своего ненормального мужа.

- Примите мои искренние соболезнования, Александра Николаевна. Ваш муж был прекрасным человеком, и его утрата стала для всех тяжелым ударом.

Оторвавшись от бездумного созерцания вида из окна, повернулась к подошедшей ухоженной пожилой женщине. Я уже как-то встречала ее, но совсем не помнила, как ее зовут. Да и неважно. Сегодня мне простят многое, я ведь стала вдовой.

- Благодарю, - наверное, в сотый раз за сегодня повторяю это слово.

- Крепитесь, дорогая. Если будет нужна помощь, смело обращайтесь, - женщина протягивает мне свою визитку, которую я принимаю на автомате.

Киваю, и женщина сразу уходит, а я снова поворачиваюсь к окну.

Как же мне хочется плюнуть на все приличия и уйти. Вернуться домой, обнять сына и впервые за долгие годы спокойно поспать. Но я не могу. Мать ошивается где-то неподалеку и бдит, чтобы я вела себя как положено скорбящей вдове.

После смерти моего мужа она рассчитывает, что его бизнес, деньги и недвижимость перейдут ко мне, а через меня - к отцу и, соответственно, к ней.

Она спит и видит, как еще больше обогатится наша семья после оглашения завещания. Ей всегда было мало денег. Всегда хотелось больше.

Глядя на ее насквозь фальшивое лицо, я злорадствую.

Потому что знаю со слов «горячо любимого» мужа, что по завещанию мне ничего не светит. Его бизнес перейдет доверенным акционерам, деньги разделятся между различными организациями и многочисленными любовницами мужа. Что-

то, я думаю, он оставит нашему сыну. Может, Егор даже создал траст, и когда Данечке исполнится восемнадцать, он сможет получить свое отцовское наследство. Все-таки оставлять без гроша единственного сына муж не стал бы. И не потому, что любил Даню, а потому что даже после смерти он хочет в глазах общественности быть прекрасным человеком.

Двуличный ублюдок!

Мне же от него и так ничего не надо. Самое главное и желанное я уже получила с его смертью – свободу. О ней я мечтала с первого дня нашего брака. Свобода стала для меня недостижимой и самой желанной наградой за все мучения, что пришлось перенести.

И я больше никому не позволю ее у меня отнять.

Решив, что с меня хватит, медленным шагом направляюсь на выход, по пути принимая по новому кругу соболезнования, при этом сохраняя на лице отсутствующую скорбь.

Отец с матерью выкрутятся. Соврут, что мне стало нехорошо, или еще что-то придумают. Не пропадут.

Выйдя на улицу, глубоко вдыхаю чистый прохладный воздух и устало выдыхаю. Как же давно я не чувствовала спокойствия... Кажется, что так легко на душе мне было в другой жизни. В той, когда я была маленькой девочкой, не знающей реалий суровой жизни.

Спускаюсь с крыльца и неторопливо направляюсь к машине.

– Даже не останешься проводить мужа в последний путь? – услышав этот голос, встаю как вкопанная. Сердце начинается колотиться в груди, руки вмиг потеют. Не может быть...

Я не ожидала его еще когда-нибудь увидеть. Тем более на похоронах своего мужа.

Резко повернувшись, боясь, что мой разум решил сыграть со мной злую шутку, натыкаюсь на стоящего возле дорогой машины представительного мужчину. Не сразу узнаю в нем того парня, что когда-то завладел моим сердцем.

Он изменился. Сильно. Стал мужественнее, раздался в плечах, отрастил небольшую бороду, делающую его старше своих лет.

Сейчас от него веет силой, уверенностью и богатством. Один костюм на нем стоит больше, чем многие получают за год работы.

Он хорошо поднялся за эти пять с половиной лет. Так, как многим не удавалось и за двадцать.

- Что ты тут делаешь? - перестав на него пялиться, не своим голосом спрашиваю я.

- Был в городе и узнал, что один из богатейших людей, муж моей давней знакомой, скончался. Решил лично выразить соболезнования. Но, вижу, зря. Ты не выглядишь скорбящей вдовой.

- Что ж, ты зря потратил время. Я в соболезнованиях не нуждаюсь, - отвечаю немного резко. Своим визитом он застал меня врасплох.

- Я уже вижу. В тебе нет уважения к тому, с кем все эти годы делила постель. И от кого родила сына. Стоило ему скончаться, как ты сразу о нем забыла. Довольно цинично. Хотя что с тебя взять. Ты никогда не ценила чужих чувств, - впиваясь в меня своими зелеными глазами, полными льда и осуждения, говорит он.

Раньше бы меня ранило то, как он говорит со мной. И я непременно бы расплакалась от обиды. Но то было бы раньше... Тогда я была другой... ранимой. А сейчас я почти не чувствую боли. Привыкла. Отрастила броню, через которую добраться до меня теперь не так просто.

- Смерть мужа для меня не трагедия, - безразлично говорю истинную правду.

– Даже не скрываешь этого?! Какой же надо быть бессердечной дрянью, чтобы так реагировать на смерть близкого человека.

Близкого человека?! Трижды «ха-ха»!

Оправдываться и что-то объяснять не видела уже смысла. Ничего не изменить. Я предала его, разрушила все, что между нами когда-то было.

Его ненависть и презрение заслужены. Так зачем сейчас оправдываться? Разве он поверит?

– Всего доброго, Кирилл, – смотрю на него в последний раз, желая запомнить и сохранить в глубинах памяти до сих пор дорогой образ, после чего сажусь в машину.

– Куда едем, Александра Николаевна? – спрашивает мой водитель.

– Домой, Андрей. Домой, – устало отвечаю и утыкаюсь в окно. Вскоре под мерный шум движущейся машины воспоминания о том дне, когда моя жизнь изменилась и превратилась в ад, берут надо мной верх, и я снова переживаю то, о чем мечтаю забыть.

Глава 2

Тогда

– Да вы с ума сошли! Я не выйду за вас! Ни за что на свете! – восклицаю я на заявление мужчины, что в самое ближайшее время стану его женой.

– Не разбрасывайся понапрасну словами, девочка. После нашего разговора ты станешь послушной и счастливой невестой для всех, – по-прежнему уверенно говорит он и усаживается в кожаное кресло.

– С чего бы? – дерзко спрашиваю. – У меня нет причин выходить за вас. А вот не выходить – куча. Первая, и самая главная, я люблю другого. И если и решу за кого выйти, так за него. Вторая, мне всего восемнадцать, в то время как вам за тридцать. Вы староваты для меня. Найдите себе девушку постарше, чтобы ее в обществе не принимали за вашу дочь. Ну и третья, папа никогда не станет заставляя меня насильно выйти замуж. Так что не стройте иллюзий. Я за вас не выйду.

В каждом своем слове я уверена. И, высказав все это заявившемуся с утра мужчине, чувствую себя лучше.

Потому что, признаться, меня пугают уверенность и спокойствие, исходящие от него. Складывается ощущение, что ему известно больше, чем мне. Что, уже все давно решено и брачные оковы почти защелкнулись на моих запястьях.

Бред... отец бы никогда так со мной не поступил. Только не он. А вот мать могла. Но в открытую пойти против папы не решилась бы. Только с его согласия. А он не мог... Просто не мог. Я уверена. Он слишком сильно меня любит.

– Это тебе не стоит строить иллюзий относительно свободы выбора. У тебя ее нет. Если ты не выйдешь за меня, то твою семью ждет банкротство, а твоего любимого отца – тюрьма. В которой он и месяца не протянет. Ты с матерью останешься на улице, без гроша за душой. И я бы с радостью посмотрел, как вы выпутываетесь из той непростой ситуации, на что пойдёте, если бы не преследовал собственных целей. Для их реализации мне нужны брак с тобой и сохранение бизнеса твоего отца. Я готов помочь, но взамен потребую тебя. И насчет твоего возлюбленного, уничтожить его мне не составит труда. Поэтому советую тебе забыть о нем и не вспоминать.

К моменту, когда он заканчивает говорить, меня уже бьет крупная дрожь. В душе поселяется страх, а в голове панически мечутся мысли. Часть меня отказывается верить в сказанное, другая же – верит. Знает, что сидящий в кресле мужчина не станет шутить. Все сказанное им – «чистая» правда.

На негнущихся ногах подхожу к дивану и сажусь. На мужчину не смотрю. Не могу. Мне нужно время все переварить.

– Я не хочу за вас замуж, – дрожащим голосом произношу через время.

Надеюсь на его понимание. Ведь он не может не понять, что я слишком юна для него. Ему будет со мной неинтересно. Скучно. Я ничего не умею. Я невинна. Зачем ему такая жена?

Он ведь богат и, если отбросить разницу в возрасте, привлекателен. Многие женщины были бы счастливы, обрати он на них внимание. Многие, но не я.

Я готова пообещать все что угодно. Отдать деньги со своего траста, платить проценты...

Все, лишь бы не выходить за него. Я не могу предать Кирилла. Не могу.

– Мне плевать. Этот брак нужен мне, так что твои желания не имеют значения. Ты в качестве жены тоже меня не прельщаешь, но ради дела я готов потерпеть.

Меня даже не задевает его пренебрежение. Все, о чем я могу думать, Кирилл. Как мне от него отказаться? Это ведь разобьет ему сердце. Он любит меня.

Услышав шаги, бросаю взгляд на дверь.

Отец входит в гостиную и первым замечает гостя.

– Егор... что ты тут делаешь? – удивленно спрашивает он.

А я подмечаю то, чего раньше не замечала. Отец осунулся, под глазами залегли синяки, глубокая складка на лбу стала еще глубже.

Он вымотан... выжат.

– Добрый день, Николай Сергеевич. Я пришел с предложением к вам и первым делом решил заручиться согласием вашей прекрасной дочери, – меняясь прямо на глазах, встает и с улыбкой говорит Егор.

– С предложением? – не понимает отец. Бросив на меня внимательный взгляд, он снова смотрит на Егора. – Что за предложение?

– Я слышал о возникших у вас трудностях и решил предложить помощь, – доброжелательно отвечает мужчина.

– И при чем здесь моя дочь? – настороженно интересуется отец.

– Я видел пару раз на приемах Александру и был очарован ею. Ваша дочь не только красива, она еще умна и хорошо воспитана. В наше время сложно встретить достойную женщину, с которой бы захотелось создать семью. Александра именно такая девушка. Особенная. Поэтому я пришел просить у вас ее руки. Но сначала счёл необходимым поговорить с ней лично. Не хочу, чтобы она меня неправильно поняла и приняла в штыки, – бросив на меня предупреждающий взгляд, с лживой улыбкой на губах говорит он.

– Это... неожиданно, – теряется папа. Взлохмачивает рукой волосы и проходит к свободному креслу. – Ей всего восемнадцать, рано еще для замужества, – неуверенно говорит отец и смотрит на меня.

Я же сижу ни жива ни мертва. Не знаю, что делать. Закричать и сказать, что не выйду за этого притворца, или лучше молчать? Вдруг Егор откажется помогать нам, если я открою рот и скажу что-то, что его не устроит?

– Понимаю ваши опасения. У нас приличная разница в возрасте с Александрой. Но это, на мой взгляд, больше плюс, чем минус. Я состоявшийся мужчина, уже знающий, чего хочу от жизни. Я смогу обеспечить вашу дочь всем необходимым. Она никогда ни в чем не будет нуждаться.

– Что скажешь, дочка? – обращается ко мне отец после небольшого раздумья.

Ничего не думаю. Хочу сбежать отсюда. Плюнуть на все последствия и уйти. Найти Кирилла и потребовать жениться на мне, чтобы никто не смог нас разлучить.

Но стоит только взглянуть на усталого и постаревшего отца, понимаю, что не могу так поступить.

Егор прав. Папа не переживет краха своего детища. И в тюрьме ему не место.

– Мне нужно подумать. Можно? – вопрос адресован Егору. И он это понимает.

– Конечно. Я приму любое твое решение. Но все же надеюсь на согласие. Тогда ты сделаешь меня самым счастливым человеком, – подарив мне еще

одну фальшивую улыбку, он обращается к отцу. – Спасибо, что приняли и выслушали меня, Николай Сергеевич.

Отец встает, жмет руку Егору, после чего тот уходит.

– У тебя проблемы, пап? – тихо спрашиваю я, как только мы остаемся вдвоем.

– Милая, не бери в голову. Я справлюсь. Тебе не нужно выходить замуж только для того, чтобы мне помочь. Все утрясется, – устало говорит отец и садится рядом. Притягивает меня в свои объятия и целует в макушку. – Я знаю, что твое сердце принадлежит другому. Кириллу. И одобряю твой выбор. Он хороший, толковый парень.

Сердце болезненно сжимается при звуке родного имени.

Еще день назад я была бы счастлива услышать от отца эти слова, а сейчас они причиняют боль. Потому что я понимаю, что не смогу бросить отца в беде. Чувствую, что сам он не справится.

Ему нужна помощь. Помощь Егора. А взамен мне придется отказаться от Кирилла. Предать его. Предать все чувства, что есть между нами.

Это больнее всего. Но такова цена спасения моей семьи.

Глава 3

Хоть я и понимаю, что нужно соглашаться на предложение Егора, все никак не могу себя заставить ему позвонить и сказать «да».

Это будет конец. Для меня и Кирилла.

Всю ночь я ворочалась в кровати, не сомкнув глаз. Думала о Кирилле.

Что он подумает обо мне, когда узнает что я собралась замуж за другого? Как сказать ему об этом? Ведь недавно я клялась ему в любви, заверяла, что кроме него рядом с собой никого другого не вижу.

А теперь что? Грош цена моим словам и обещаниям.

Ближе к обеду ко мне заглядывает мама. Как всегда бесцеремонно, не соизволив даже постучать, она врывается в мою спальню.

– Сколько можно лежать? Ты время видела? Вставай, приведи себя в порядок, и поедем по магазинам. Мне нужно купить платье. Нас с отцом пригласили на деловой ужин, а мне совершенно нечего надеть.

Окинув взглядом ухоженную, одетую по последней моде женщину, которая привыкла к роскоши, сжимаю зубы.

У отца проблемы, мы можем обанкротиться в любой момент, а она наряды себе собирает выбирать, когда у нее и так целый гардероб под завязку забит.

– Выбери из того, что есть. У папы проблемы. Сейчас не стоит тратить деньги на новые шмотки, – говорю я ей то, что она сама должна и так понимать.

– Никто не должен знать, что у нашей семьи плохо идут дела. Это неприемлемо. К тому же скоро ведь все наладится. Ты выйдешь за Вавилова, и он поможет твоему отцу удержать бизнес, – говорит мать так, будто это уже решенный вопрос.

– Я еще думаю, – исподлобья посмотрев на поправляющую и без того идеальный макияж у зеркала мать, хмуро отвечаю я.

– Что тут думать! – восклицает она, разворачиваясь ко мне. – Без помощи Егора мы станем банкротами! Ты станешь его женой, и это даже не обсуждается!

– Это не тебе решать! – злюсь я на то, что она так просто решает за меня мою судьбу. – Я люблю Кирилла.

– Что за глупости?! У Кирилла за душой ничего нет! Брак с ним не выгоден нам. Выкинь эти мысли из головы и прими предложение Вавилова. Пора взрослеть, дочь, и делать то, что нужно, чтобы помочь семье. Без влияния и

денег Егора нам конец. Твой отец не переживет такого удара, – давит она на больное.

У нас с матерью никогда не было теплых отношений. Ее всегда больше волновали имидж семьи и деньги. Она бы меня и за восьмидесятилетнего деда сосватала, если это сулило бы нашей семье выгоду. В любой другой ситуации я бы послала ее без зазрения совести. Но не сейчас.

Я не могу так поступить с отцом. Я должна его спасти.

– Позвони Вавилону и дай согласие на брак, – настаивает мама и протягивает мне телефон.

Смотрю на него как на ядовитую змею, не в силах перебороть себя и взять его.

– Звони, пока не поздно! – впихивает мне в руки телефон она.

Непослушными пальцами под требовательным взглядом матери нахожу номер Вавилова Егора и звоню.

Я не задумываюсь и не удивляюсь тому, что у матери есть его номер. Егор Вавилов известный бизнесмен. Одно время он тесно сотрудничал с компанией отца и не раз бывал у нас дома. Пару раз мы встречали его на пафосных мероприятиях, устраиваемых влиятельными людьми нашего города.

– Я согласна, – единственное, что я смогла произнести, как только услышала его голос.

– Правильное решение. Скоро буду у вас, – безэмоционально отвечает он и отключается.

– Ну, что он сказал? – с заметным волнением спрашивает мама.

– Что скоро приедет, – не смотря на неё, тихо отвечаю я.

Внутри от принятого решения разливается холод.

– Прекрасно! Вставай немедленно и приводи себя в порядок. Не хватало еще, чтобы он передумал, – отдав мне приказ, она спешит на выход.

Как только остаюсь одна, даю волю слезам. Только они могут принести мне облегчение. Пусть временное, но и это хоть что-то.

Я сделала свой выбор. Я выбрала свою семью. Сама отказалась от Кирилла и теперь буду с этим жить.

Даю себе на слабость не больше десяти минут, после чего утираю слезы и встаю с кровати.

Пора готовиться к встрече с будущим мужем.

Глава 4

– Посмотрите, пожалуйста, сюда!

– И сюда!

– Ох, какая красивая пара!

– Совет да любовь!!

Отовсюду доносятся оглушающие крики людей, большую часть из которых я не знаю. Яркие вспышки камер ослепляют, и в глазах плывут цветные круги.

Я чувствую себя отвратительно. Вся эта показуха, публичность и наигранность, словно колючий ком в горле, мешают нормально дышать.

Мой – теперь – муж всего этого не замечает. Он чувствует себя комфортно под взглядами как минимум сотни пар глаз. Он победитель. Добился своего. Я стала его женой, он завладел частью акций компании отца. Ему было что сегодня праздновать, в отличие от меня.

Мой мир рухнул. Померк. Стал бесцветным. В душе царствовал холод.

Я потеряла Кирилла. Новость о моем скором замужестве он узнал не от меня. Из новостей. Я не нашла в себе сил сообщить лично. Пыталась несколько раз, но так и не смогла.

Он звонил потом мне сам. Много раз звонил. Я не ответила. Зачем? Ничего нельзя изменить. Я приняла решение. Так зачем мучить нас обоих?

Пусть лучше ненавидит меня, чем страдает вместе со мной.

Приобняв меня за талию, мой проклятый не единожды муж ослепительно улыбается прямо в камеру.

Моя улыбка по сравнению с его – больше вымученная, чем счастливая. Но кого это волнует? Егор заставляет меня делать вид, что я безмерно счастлива стать его женой. И я делаю. Из последних сил натягиваю на лицо улыбку, в то время как моя душа утопает в слезах.

Но силы мои стремительно тают, а раздражение и желание сбежать с собственной свадьбы всё возрастает.

Мне плевать, как я получусь на свадебных фотографиях и видео. Пересматривать самый ужасный день в своей жизни я не планирую.

– Горько!! – кричит кто-то из гостей, а меня передергивает.

Когда муж тянет меня за руку, вставая, я как послушная кукла следую его примеру.

Он по-хозяйски прижимает меня к себе и властно целует.

Мне противно. Горько. Больно в душе. Но я терплю. Позволяю ему делать все, что он хочет.

Вокруг народ радуется, аплодирует, выкрикивает пожелания счастья, а я считаю секунды до тех пор, пока он прекратит ко мне прикасаться.

И вот наконец он отстраняется. Облегченно выдыхаю.

– А теперь танец молодых, – объявляет организатор свадьбы, не давая нам присесть.

В последний момент одергиваю себя, чтобы не довольно не скривиться. Нельзя. Егор мне этого не простит.

Мы ведь счастливые влюбленные молодожены...

Егор выводит меня за руку в центр зала, обаятельно улыбается и под первые звуки мелодии притягивает в свои объятия.

– Улыбайся! Все должны думать о нас как о счастливой и влюбленной паре, – на ухо повторяет он мне то, что уже не раз говорил.

После кружит меня и снова ловит в объятия под одобрительный гул гостей.

Со стороны мы кажемся счастливыми. Егор так вообще светится так, будто джек-пот сорвал. Если бы не знала, решила бы, что он влюблен в меня.

Но это не так. Мы с ним оба это знаем.

В отличие от гостей и моей семьи. Которая искренне верит в светлые чувства Егора Вавилова.

Если отбросить эмоции, то мы с Егором хорошо вместе смотримся. Мы красивая пара. А если учесть показную галантность моего мужа, то я просто счастливица

для всех.

– Как тебе свадьба? Нравится? Ты так себе ее представляла? – склонившись ко мне, на ухо спрашивает муж.

Не так! Рядом с собой я видела совсем другого мужчину!

Вслух этого я, разумеется, не говорю.

– Все по высшему разряду. Гостям нравится, – держа на лице улыбку, отвечаю ему.

Он прищуривается и внимательно на меня смотрит, а у меня бегут мурашки по телу.

– О нем думаешь?

В голосе слышу злость и напрягаюсь. Помню, что он может Кирилла уничтожить по щелчку пальцев.

– Нет, – поспешно отвечаю ему.

Какое-то время муж молча меня рассматривает, а потом расслабленно улыбается.

– Для него будет лучше, чтобы так и было. Узнаю, что ты хоть как-то с ним соприкасаешься, пожалеешь, – тихо говорит он и целует меня в висок под свист гостей.

Сглотнув вязкую от страха слюну, покорно возвращаюсь на наше место за столом.

Сквозь шум, гомон, звуки музыки и мигающие огни мне удастся найти взглядом отца.

Он стоит под руку с мамой и беседует с каким-то мужчиной. Они пожимают друг другу руки и расходятся.

Я хочу поговорить с отцом, спросить, все ли в порядке, но как только собираюсь встать, тяжёлая рука ложится на мою и сжимает.

- Потом поговоришь с отцом. Все уже улажено.

Киваю и остаюсь на месте.

Остаток вечера проходит словно мимо меня.

Я смеюсь там, где надо. Говорю «спасибо». Принимаю поздравления и делаю вид, что счастлива до невозможности.

Все присутствующие здесь женщины завидуют мне, думая, что мне достался не только красивый и богатый муж, но и безумно влюбленный.

Никому и в голову не приходит, что я бы все это променяла на другого.

Когда гости уже достаточно пьяны, чтобы не заметить нашего отсутствия, Егор начинает собираться домой.

Мне страшно ехать с ним. Быть наедине – это последнее, чего я хочу.

Но кого это волнует? Правильно, никого!

Возле дорогого ресторана, в котором справляется наша свадьба, ждёт шикарный лимузин.

Оказавшись в машине, Егор сначала расслабляет, а потом и вовсе стягивает с себя галстук и небрежно бросает на сиденье. Потом снимает пиджак и, расстегнув запонки, закатывает рукава рубашки.

Все это время я сижу ни жива ни мертва, стараясь слиться с кожаной обивкой сидений.

Впереди ждёт брачная ночь, о которой без содрогания я даже думать не могу.

- Терпеть не могу свадьбы и лицемерные пожелания счастья, - откинувшись на сиденье и чуть прикрыв глаза, произносит он.

- Можно было просто расписаться, - снова говорю то, что предлагала раньше.

- Не можно! Вавилов не может взять и просто расписаться. Никто не поймет этого. Я публичный человек, от меня ждали шикарной свадьбы. И они ее получили.

Я разумно промолчала. Хозяин - барин.

Вскоре лимузин останавливается возле огромного шикарного особняка.

Выбравшись из машины, я на несколько секунд замираю. Страшно идти внутрь.

- Долго тебя ждать? - недовольно интересуется мой муж.

Первые два шага самые сложные. Потом становится легче. Чему быть, того не миновать. Какой смысл оттягивать неизбежное? Я его жена, логично, что рано или поздно он потребует исполнения супружеского долга.

Внутри особняк не менее шикарен, чем снаружи. Но вся эта роскошь меня не интересует.

Поднявшись за мужем по лестнице на второй этаж, я следую в ту комнату, где ранее скрылся он.

- Раздевайся, - стоит мне только появиться, командует он, расстёгивая при этом рубашку.

Замерев на месте, не могу заставить себя исполнить его приказ.

Внутри все противится этому.

– У тебя проблемы со слухом? Я сказал, раздевайся! – раздраженно повторяет он.

Опустив голову, чтобы скрыть набежавшие слезы, тянусь дрожащими пальцами к завязкам на спине.

Несколько секунд безуспешно пытаюсь их развязать, но выходит, что только запутываю.

– Дай я! – рывкнув, Егор резко поворачивает меня спиной к себе и со злостью дергает за завязки, еще больше их запутывая. – К черту!

Он рычит и толкает меня лицом на кровать.

Вскрикнув от неожиданности, пытаюсь встать, но он надавливает сзади на шею, не позволяя. Потом задирает мое платье и бесцеремонно избавляет меня от белья. Просто варварски разрывает и отбрасывает в сторону.

Я понимаю, что сейчас произойдет, и часто дышу, пытаюсь сдержать надвигающуюся истерику.

Не так я себе представляла свой первый раз. Совсем не так...

Согнув мою ногу, Егор пристраивается сзади. Чувствую, что он обнажен, и пугаюсь еще больше.

Снова пытаюсь приподняться, но он сильнее придавливает обратно и резко, без подготовки, входит в меня.

От вспыхнувшей огнем боли кричу и пытаюсь избавиться от того, что ее причиняет.

Но не могу. Егор сильнее. Ему нет дела до моей боли. Он продолжает вколачиваться в меня, до боли сжимая шею и бедро.

Уткнувшись лицом в постель, глотая горькие слезы, молюсь, чтобы это поскорее закончилось.

Скрип кровати, рваное дыхание мужчины, противные мокрые шлепки вызывают тошноту.

Я держусь, пытаюсь отрешиться, унести мыслями далеко отсюда, но боль, разрывающая низ живота, не дает этого сделать.

Егор начинает ускоряться, еще сильнее входя в меня, будто желает проткнуть насквозь.

Стискиваю зубы и стону от боли.

Еще пара движений, и он заканчивает. Выходит из меня, отстраняется, при этом громко хлопнув меня по заду.

– Добро пожаловать во взрослую семейную жизнь, женушка, – с насмешкой говорит он и уходит в ванную.

Я продолжаю лежать. Униженная, растоптанная и сломленная.

Слезы бегут без остановки, в душе обреченность и тоска.

Я сама выбрала такую жизнь. И теперь буду за это платить.

Глава 5

С того дня, когда я стала женой Егора, начался мой персональный ад.

На публике мой муж был святым, внимательным и обаятельным, а дома становился больным мерзавцем, считающим меня своей собственностью, не имеющей прав на неугодные ему чувства.

Со временем я привыкла прятать чувства глубоко в себе. Выстроила вокруг себя стену отчуждения, через которую с каждым годом моему «дорогому» мужу было

все сложнее пробиться. Егора это очень злило. А я испытывала злорадное удовлетворение, видя, как он бесится.

Но в самом начале нашего брака я часто плакала.

После первого сексуального опыта я долго сидела на подоконнике, уткнувшись лбом в стекло, и тихо плакала. Мой довольный муж спал, а я не могла себя пересилить и лечь рядом с ним.

Стоило только об этом подумать, как меня сковывал страх. Казалось, что он снова на меня накинется и начнет истязать. Еще один такой раз я бы в ту ночь не вынесла.

Поэтому до самого рассвета просидела на подоконнике без сна, терзаемая мыслями, что все могло быть по-другому, выбери я Кирилла. Первая близость с ним принесла бы мне безграничное счастье, я уверена. Он бы не был со мной груб.

Понимая, что еще немного, и я попросту усну прямо на подоконнике, с трудом слезаю с него, болезненно морщась от режущей боли внизу живота. Между ног все саднит, и мне даже страшно представить, как сильно я там травмирована.

Держась за стены, покидаю спальню и доползаю до ванной, где скрываюсь на ближайšie полчаса. Стаскиваю с себя смятое, заляпанное кровью платье и бросаю на пол. Хочу его сжечь, но такой возможности нет. Очень сомневаюсь, что мой муженёк оценит, если я устрою пожар в его навороченном особняке. Отбрасываю платье ногой в угол, подальше с глаз, и включаю кран в стеклянном душе. Настроив воду, встаю под слегка теплые струи воды и тут же вскрикиваю от того, что между ног начинает зверски щипать. Зажав себе рот, молчаливо глотая слезы, осторожно намыливаю одной рукой тело и моюсь.

Минут через двадцать, когда кожа по ощущению скрипит от чистоты, закрываю кран и выхожу из душа. Большим махровым полотенцем заматываю тело, а тем, что поменьше, волосы.

Покидать ванную комнату страшно, вдруг Егор уже встал. Представать в столь провокационном образе перед ним желания нет от слова «совсем». Но и прятаться тут вечно не выйдет.

Выхожу из ванной и со всей скоростью, на которую способна из-за не проходящей боли, добираюсь до спальни. Где практически сразу, к своему ужасу, сталкиваюсь с бодрым и уже принявшим душ мужем.

Замираю, стиснув в кулаках края полотенца. Внутри все дрожит от страха, хочется позорно сбежать и спрятаться от изучающего взгляда мужа. Но я продолжаю стоять.

- И где же «доброе утро, дорогой муж»? - приподняв бровь, ядовито интересуется Егор.

- Доброе утро, - с трудом выталкиваю из горла слова.

Для кого-то оно, может, и доброе, но явно не для меня.

- Поцелуй?

Стою на месте. Не могу, просто не могу найти в себе сил подойти к нему и поцеловать.

- Ладно, я сам, - Егор приближается, отчего мое сердце лихорадочно начинает биться где-то в горле от ужаса, обхватывает меня за талию и напористо целует прямо в губы.

Мой жалобный всхлип он игнорирует.

Закончив терзать мои губы, он издевательски улыбается и произносит, глядя мне в лицо:

- Ты слишком зажата, дорогая. Мужчины любят раскованных страстных женщин. Так что прекращай изображать из себя столб и проявляй инициативу. Иначе я найду, с кем проводить ночи на стороне.

Сказав это, он обходит меня и покидает спальню. Я же облегченно выдыхаю и на трясущихся ногах подхожу к небольшому диванчику и сажусь на него.

Пронесло...

Наверное, Егор думал, что таким образом напугает меня, но все вышло наоборот. Именно в тот самый момент я страстно захотела, чтобы он нашел кого-то на стороне и оставил меня в покое.

И все наши последующие ночи я была безынициативным бревном. Просто лежала с закрытыми глазами и представляла себя в другом месте, пока он усердно трудился.

Егор далеко не сразу потерял надежду раскрыть меня как женщину. Он хотел, чтобы я его желала. И первый год активно требовал с меня супружеский долг. Но потом я забеременела, и угроза выкидыша заставила мужа отказаться от меня. Он хотел ребенка, а я нет. Узнав о беременности, я поначалу хотела сделать аборт. Даже тайно отправилась в частную клинику в надежде, что муж ничего об этом не узнает. Какой же глупой и наивной я была. Он узнал о моей беременности в тот же день. Как и о том, что я хотела сделать аборт.

Тогда он впервые поднял на меня руку. Отвесив мне звонкую пощечину, он леденящим внутренности голосом сказал:

– Этот ребенок родится. И ты станешь идеальной матерью для него и идеальной женой для меня. Иначе я превращу твою жизнь в ад. И поверь, то, как ты живешь сейчас, тебе покажется сказкой, по сравнению с тем, что я с тобой сделаю, если ты еще хоть раз посмеешь что-то задумать за моей спиной. А теперь исчезни с моих глаз, пока я тебя не придушил собственными руками.

Я просидела тогда в комнате почти сутки, трясясь от страха. Боялась попасться ему на глаза и вызвать новую волну злости, так сильно он меня напугал своей вспышкой злости и бешенством в глазах.

Всю беременность я послушно исполняла рекомендации врачей. И с каждым днем все больше начинала любить своего малыша. Мне уже было не важно, кто его отец. Я нашла спасение для себя в еще не рожденном, но ставшим таким желанным малыше.

После рождения Данечки я единственный раз испытала благодарность по отношению к Егору. Если бы не он, мой сыночек бы не увидел этот свет. А я бы

не познала безграничной материнской любви.

И, возможно, не смогла бы столько лет выдержать в браке с Егором Вавиловым.

Хоть мы с Егором после рождения сына и жили словно чужие люди, он все еще оставался моим мужем, и мне приходилось во всем ему подчиняться.

Егор редко когда рано возвращался домой. Чаще приходил после полуночи, уставший и недовольный. Если заставал меня не спящей, мог сорваться на меня, нарычать, обозвать никчемной женой, после чего уходил в свою спальню. А иногда он возвращался довольным и возбужденным. В такие моменты ему было плевать, сплю я или укачиваю в кроватке сына, он просто задирает мою ночнушку, пристраивался и имел меня.

Я привыкла к такому отношению. Перестала после каждого «доброе» слова мужа лить слезы. Смирилась с таким потребительским отношением к себе.

Да и не сказать, чтобы муж часто требовал от меня супружеский долг. После рождения сына он охладил ко мне. Вернее, к моему телу. Егор завел себе любовниц, которые, невзирая на время, без стыда звонили ему. Часто после таких звонков муж срывался и уезжал из дома.

Возвращался под утро, пропахший запахом чужих духов, довольный как мартовский кот.

Я не ревновала. Не злилась. Ни в чем его не обвиняла.

Наоборот. Была рада, что у него есть с кем развлекаться. Ведь после них сил на меня у него не оставалось.

Надо отдать должное моему хитрому мужу, о его похождениях ни разу не удалось прозвать СМИ. Для всех он оставался примерным семьянином и верным, обожающим свою жену мужем.

Талантом лицемерия – мой муж владел в совершенстве.

Глава 6

Моя семейная жизнь, наполненная напряжением, непониманием, обидами, ссорами, страхами и горечью продолжалась.

Егор жил полноценной жизнью. Ни в чем себе не отказывал, жил в свое удовольствие. Почти все время проводил на работе или с друзьями и любовницами.

Воспитанию сына муж не считал нужным уделять время. Егор только требовал. Чтобы Даня умел себя правильно вести в обществе, не капризничал, не мешался под ногами.

Вот три правила, которые волновали его.

Для Егора сын был наследником и не больше.

Меня ужасно расстраивало такое безразличное, холодное отношение к сыну. Хоть его-то он мог бы и полюбить. Даня ведь его сын. Его кровь и плоть. Неужели так сложно проявить к малышу тепло и интерес? Это ведь ему ничего не стоит, но так важно и просто необходимо нашему сыну.

Но нет, Егор Вавилов и любовь – несовместимые вещи. Порой мне казалось, что он вообще социопат. Он очень редко проявлял эмоции. Особенно положительные. А вот с отрицательными проблем не было. Накричать, что-нибудь швырнуть в порыве злости или угрожать у него выходило на ура.

Пару раз в пылу ссор я указывала на то, что он относится к сыну как пустому месту. На что муж неизменно отвечал, что относится так, как считает нужным. Что не собирается сюсюкаться и нянчиться с ним. Чтобы в будущем Даня не вырос слюнтяем.

Бред! Чушь несусветная!

Я не просила нянчиться, я лишь хотела, чтобы он был отцом. Проводил с Даней время, играл по возможности, гулял. Дал понять нашему не по годам умному мальчику, что он любим и нужен папе.

Разве я многого требовала?!

По мне, так он просто не хотел утруждать себя воспитанием сына. Ему это было неинтересно. Куда интереснее развлекаться с доступными девушками модельной внешности и заливать в себя элитный алкоголь, чем прилагать усилия, чтобы найти подход к собственному ребенку.

И я смирилась. Больше не стала настаивать на том, чтобы Егор проводил время с Даней. Зачем? Он этого не хотел. Он сына будто и вовсе не замечал. А если и замечал, то, в основном, ругал.

Это только расстраивало ребенка. Поэтому я старалась окружить сына заботой и любовью. Я его не баловала. Нет. Где-то была строга, когда считала нужным, а где-то находила нужные и правильные слова, чтобы объяснить малышу, в чем он не прав и почему так делать нельзя.

Требовалась масса терпения, чтобы без нервов и срывов доносить до сына информацию, но это давало свои плоды. Даня слушался меня. Не капризничал по пустякам, не кланчил новые игрушки, мог спокойно поиграть, пока мама делала свои дела.

К отцу же Даня относился как к чужому человеку. Он его побаивался и на контакт шел неохотно.

И вина в этом была только Егора.

Даже мои родители замечали на семейных ужинах, что между отцом и сыном прохладные отношения. И если мать безразлично молчала, делая вид, что все прекрасно и она ничего не видит, то отец не раз спрашивал у Егора, в чем причина холодности. Егор заверял отца, что Даня просто обижается, что папа всегда занят на работе и мало уделяет ему времени. Всего лишь детская обида.

Как легко и как удобно...

Вы можете спросить, почему я молчала. Да потому, что даже пожалуясь я отцу, что бы это поменяло? Ничего. Егор уже прочно запустил свои руки в бизнес моего отца. Укрепил корни и обзавелся поддержкой среди акционеров.

Я вышла за него, чтобы уберечь отца от тюрьмы и банкротства, и сейчас просто не могла обесценить свою жертву разводом. Ведь расскажи я отцу все как есть о своей жизни, он немедленно бы настоял на расторжении брака. Папу бы не волновало даже то, что Егор отнял бы у него бизнес. Ради меня он бы им пожертвовал. Да только я не могла так... И дело вовсе не деньгах, их я уже не боялась потерять. Меня пугала потеря Дани. Егор ни за что не отдал бы мне сына, разведись я с ним. А с учетом того, что отец мог потерять компанию, влияние и деньги, мы не смогли бы ему противостоять и бороться за опеку над Даней. Егор бы победил. Я это знала. Верила в это всем сердцем. И не могла этого допустить.

Оставить с этим чудовищем своего малыша я бы не смогла. Ни за что на свете.

Вот так мне и оставалось, умирая в душе в сотый раз, с улыбкой на лице заверять обеспокоенного родителя, что у нас все хорошо.

Возможно, он не верил мне до конца, подозревал, что все не так у нас гладко, как мы показываем, но все же молчал. Позволял себя обманывать.

Иногда я очень злилась на него за это. Я хотела, чтобы он сам понял, что я несчастна в этом браке. Что нам с Даней плохо. Но время шло, а никто не спешил спасти меня с сыном.

Глава 7

Сейчас

– Приехали, Александра Николаевна, – вырывает меня из прошлого голос водителя.

– Спасибо, Андрей. На сегодня вы свободны. Завтра заедете за мной в девять, – беру свою сумочку и выхожу из теплого салона машины наружу.

Цокая каблуками, подхожу ко входной двери и прикладываю в специальную выемку указательный палец для идентификации. Когда моя личность подтверждается, открывается отверстие, откуда через долю секунды появляется панель. Набрав код и услышав щелчок, означающий открытие, толкаю дверь и захожу домой.

Этот навороченный замок Егор установил незадолго до своей гибели. Как всегда, не спросив меня. Первое время я постоянно забывала код, и мне приходилось проходить нудную процедуру по установлению личности через звонок в компанию, что разработала этот замок.

Сняв у порога туфли, прислушиваюсь. Царящая в доме тишина напрягает, порождает в душе необъяснимую тревогу, и я быстрым шагом направляюсь на кухню. Сейчас время ужина, и я надеялась застать няню с Даней там.

Уже на подходе к кухне до моего слуха доносится счастливый смех сына. Расслабляюсь и спокойно, прислонившись к косяку, какое-то время наблюдаю за увлечённо накрывающим на стол сыном.

– Осторожно, не урони, – стоя ко мне спиной, говорит Дана Валентина Петровна, передавая ему салатницу.

Она работает у нас не так давно, но уже стала нам очень близка. От этой женщины исходит столько тепла, что к ней невозможно не проникнуться. А ее мудрые советы не раз помогали мне.

– Не уроню, – заверяет ее сын и со всей ответственностью водружает миску на стол. И после этого замечает меня. – Мамочка!

Сын бросается в мои раскрытые объятия, я ловлю его и крепко прижимаю к себе. Как же я соскучилась. Мы не виделись не больше пяти часов, а у меня такое чувство, словно не меньше недели прошло.

– Я соскучился, – тихо говорит мне на ухо сын.

– И я, мой хороший, соскучилась, – целую его в макушку и, еще раз крепко сжав, разжимаю руки. – Добрый вечер, Валентина Петровна. Как ваш день прошел?

Чем занимались?

– Добрый день, Александра. Все у нас хорошо. Днем ездили на площадку, Даня там подружился с ребятней, и они вместе играли. А потом занимались домашними делами и поиграли перед ужином в развивающие игры, – спокойно отчиталась няня, попутно расставляя тарелки на столе. – Как ваш день прошел?

– Не так хорошо и интересно, как ваш, – взлохматив волосы сына, отвечаю я. Данил на мое дурачество морщит нос и тут же поспешно приглаживает взъерошенные волосы, тем самым заставляя меня улыбнуться.

Такой забавный... И уже такой взрослый...

Внимательно на меня посмотрев, Валентина Петровна ободряюще улыбается.

– Так, садитесь все за стол, а то остынет.

– Я сейчас к вам присоединюсь, только руки помою, – говорю сыну и его няне и покидаю кухню.

Поднявшись к себе, снимаю траурное платье и надеваю хлопковые домашние штаны с футболкой оверсайз. Умываюсь и присоединяюсь к ужинающим домочадцам.

Валентина Петровна кушает всегда с нами за столом. Я на этом настояла.

Егора бы разорвало, увидь он сейчас, что прислуга ест с нами за одним столом. Он был еще тем снобом.

Отбросив все мысли о погибшем муже, наслаждаюсь вкусным ужином и слушаю рассказ сына об играх с детьми. У Данила, к моему сожалению, почти нет друзей. Он постоянно находился дома, со мной. В сад мы его не отдавали, так как Егор был против. И я очень переживала, что он не сможет контактировать с другими детьми. Но после его рассказа немного успокаиваюсь. Мой ребенок легко нашел общий язык с незнакомыми ребятами и прекрасно провел время.

Закончив ужинать, оставляю посуду на Валентину Петровну, а сама иду укладывать уставшего сына спать.

Быстро купаю его, а потом читаю ему подряд три сказки. В конце третьей он засыпает, и я, убрав книгу, еще какое-то время просто смотрю на сына. Потом целую его в лоб и ухожу из комнаты, не забыв оставить включенным ночник и приоткрыть дверь.

Глава 8

– Что ж, раз все в сборе, то я начну, пожалуй, – еще раз оглядев из-под очков присутствующих, проговорил поверенный Егора.

Владлена Артаковича я встречала и раньше. Он пару раз приходил к нам домой. Егор запирался с ним в кабинете и обсуждал какие-то свои несомненно важные дела.

На оглашение завещания я приехала только ради сына. А так моей ноги бы здесь не было. Сидеть в одном помещении со стервятниками, что замерли в ожидании лакомого куска, было противно и унижительно. Особенно унижало присутствие двух любовниц Егора. Их было куда больше, но именно эти две продержались дольше всех, за это, видимо, и удостоились подачи от щедрого любовника.

Обе девицы сверлили друг друга острыми взглядами, словно ревновали моего мужа даже после его смерти. Что удивительно, меня за соперницу они не принимали. То ли муженёк после бурного секса рассказывал о нашем далеко не счастливом браке, то ли соперничать с законной женой и ревновать к ней не считали нужным. Не знаю. Но от них в мою сторону не было брошено не одного неприязненного взгляда. Лишь в самом начале, как я зашла в кабинет, они с любопытством осмотрели меня с ног до головы.

А вот близкий друг Егора, не стеснясь, разглядывал меня сальным раздевающим взглядом, от которого я чувствовала себя грязной. Уверена, если бы мы были одни, он бы обязательно отвесил какой-нибудь пошлый комплимент. Это в его духе.

Когда был жив Егор, Матвей позволял себе только смотреть на меня, опасаясь гнева друга. А сейчас мне стоит быть готовой, что он перейдет к активным действиям. Интерес Матвея давно для меня не секрет. Но ответной симпатии он у меня не вызывает.

Он дружил с моим мужем, поэтому априори не может быть хорошим человеком. К тому же я вообще сомневаюсь, что когда-нибудь захочу снова выйти замуж или начать серьезные отношения. Нет, спасибо. Я накушалась дерьма под названием «брак» и больше не хочу.

Безразличным взглядом провожу по мужчине и сосредотачиваюсь на поверенном, что, вскрыв конверт, достает оттуда завещание моего покойного мужа.

Дальше Владлен Артакович нудно и долго начинает зачитывать последнюю волю Егора. Я особо не вслушиваюсь, что и кому муж завещал, лишь краем сознания отмечаю, что любовницам он оставил по пять тысяч долларов. По мне, так маловато. Они почти год ублажали его, а он их так обломал.

Жмот ты редкостный, Егорушка. Хотя чего я удивляюсь, собственно? Это в его духе. Поманить и обломать.

Судя по кислым лицам дамочек, они были со мной солидарны в том, что покойный оказался той еще сволочью.

Ничего, девочки, не печальтесь, скоро поймете, что вас он оценил куда выше собственной жены. Мне-то однозначно ничего не перепадет.

Расстраиваюсь ли я по этому поводу? Нет. Не расстраиваюсь. Просто неприятно от всего происходящего. И мне не хочется, чтобы на меня смотрели с жалостью и недоумением, когда выяснится, что Егор любимой жене не оставил даже доллара.

Ну ничего, переживу. Главное, всё наконец закончится, и я смогу забыть о жизни с ним как о самом страшном и долгом сне.

Приоткрыв сумку, нащупываю телефон и смотрю на экран. Прошло уже пятнадцать минут. Звонков от няни Дани нет. Родители тоже не звонили. Эх... Даже отвлечься не на что. Я скоро усну от монотонного голоса поверенного.

– Этого не может быть! Егор обещал разделить свой пакет акций между нами! – вскакивая с места, выкрикивает мужчина с прилично выпирающим животом в дорогом костюме. Один из акционеров, догадываюсь я.

И вас кинул мой дорогой супруг? Не оправдал ожиданий? Добро пожаловать в мой мир, уважаемый.

– Уверяю вас, Валентин Дмитриевич, я зачитал все верно, – спокойно отвечает ему поверенный.

– Тогда кому достанется пятьдесят два процента акций корпорации?! – раскрасневшись, возмущенно спрашивает все еще стоящий мужчина.

– Мне тоже интересно, кому, – подает голос еще один незнакомый мне мужчина. Он, в отличие от первого, сохраняет видимое спокойствие.

Почему видимое? Да потому, что я хорошо вижу, как он напряжен. Новость о том, что Егор не сдержал своего обещания и не поделил, как я понимаю, между этими двумя мужчинами свои акции, его тоже застала врасплох.

– Если вы позволите, то я сейчас до этого дойду и оглашу, кому переходит пятьдесят два процента акций, – недовольно поджав губы, отвечает сразу обоим мужчинам Владлен Артакович.

После того, как воцаряется выжидательная тишина, он продолжает оглашать завещание усопшего.

Против воли я начинаю раздумывать над тем, кому мог отдать Егор свои акции. Пораскинув мозгами, понимаю, что самый вероятный претендент из здесь присутствующих – это Матвей.

Бросаю на него взгляд и замечаю, что мне не первой пришла такая мысль. Матвея бурявят взглядом оба обманутых в ожиданиях акционера. И от такого повышенного внимания друг Егора весь подбирается и напрягается. Если акции достанутся ему, то отбиваться Матвею от повышенного внимания всех акционеров придется долго. Они его предложениями о продаже завалят.

Потеряв снова интерес к происходящему, перевожу взгляд на скучающих любовниц мужа. Их не интересует, кому достанется главный пакет акций миллиардной корпорации, счета в банках и недвижимость, разбросанная по миру. Все, что они могли, уже получили. Или, точнее, еще получают. Так какой смысл слушать дальше? Верно, никакого.

– Что??! – все три голоса особо заинтересованных в наследстве Егора мужчин сливаются в один возмущенный.

Удивленно смотрю на них и вздрагиваю от ответных взглядов. Все смотрят на меня. Обвинительно, непонимающе, обиженно и заинтересованно.

– Что? – тихо спрашиваю у всех и ни у кого конкретно.

Чего это с ними?

Перевожу взгляд на поверенного. Он видит мое непонимание и, тяжело вздохнув, снова зачитывает то, что так расстроило остальных.

– Все свое движимое и недвижимое имущество, счета в банках (идет перечень банков) и пятьдесят два процента акций корпорации «Артек Технолоджи Корпорейшн» я завещаю своей жене, Вавиловой Александре Николаевне, – Владлен Артакович замолкает.

Я продолжаю смотреть на него и пытаюсь осознать услышанное.

Он оставил почти все мне?? Но как же...Он ведь говорил... Не понимаю...

Я растерянна и крайне удивлена. А еще меня не покидает настороженность. Егор просто так не мог оставить все мне. Где-то должен быть подвох. Обязательно должен быть. Иначе я вообще ничего не понимаю...

Глава 9

– Александра Николаевна, задержитесь, пожалуйста, – окликает меня Владлен Артакович, когда я, все еще крайне растерянная, направляюсь на выход за остальными.

Останавливаюсь и жду, пока один из акционеров, тот, что был более молчаливым, последним выйдет за дверь.

Как только мы остаемся вдвоем, поверенный Егора начинает разговор, которого я подсознательно ожидала.

– Александра Николаевна, я должен зачитать вам условия, что поставил ваш муж. Только при их соблюдении вы сможете сохранить наследство, что вам завещано.

Так и знала, что он не мог просто взять и всё оставить мне без условий. Сжимаю кулаки от злости, но тут же беру себя в руки. Нет. Хватит. Больше не позволю ему диктовать мне, что делать и как жить. Послушаю, что он там хочет, и откажусь от его наследства.

Конечно, мне не хочется отдавать то, что, по сути, мне и так должно принадлежать как его законной жене, но и исполнять условия, созданные больным воображением, я не намерена. Слишком устала жить по его правилам. С меня хватит. Плевать на деньги. Я и без них не пропаду. Как и мой сын. У Данила будет все, что нужно, я об этом позабочусь.

Что ж, послушаем, что там Егор придумал для меня.

С готовностью внимать сажусь обратно на стул.

Мужчина откашливается, берет в руки из ящика стола запечатанный конверт и вскрывает его на моих глазах.

Не больше минуты он вслух зачитывает мне написанное. И все это время я жду чего-то невероятно трудного или унижительного. Да, в конце концов, чего-то нереального. Того, что я просто физически не смогу исполнить.

Но так и не дожидаясь...

- Это все условия? - недоверчиво спрашиваю у поверенного.

- Да. Это всё.

- Я правильно поняла, что смогу сохранить наследство, оставленное Егором, если в течение трех лет после его смерти не выйду замуж и возьму на себя обязанности генерального директора корпорации?

- Да. Все верно, - подтверждает адвокат.

Замолкаю. Не понимаю, в чем тут подвох-то? Замуж я и так не стремлюсь и, скорее всего, вообще не соглашусь с кем-то связать свою судьбу еще раз. Так что три года без нового брака - это даже не условие.

А вот занять кресло гендиректора - это уже сложнее. Егор не скупился на мое образование. Как и отец в свое время. Так что я не была полным профаном, но и не была настолько хороша и подкована, чтобы занять сразу такую высокую должность.

Да и акционеры не будут прыгать от радости от моего непосредственного участия в работе корпорации. Но тут я могу настоять. Пятьдесят два процента теперь принадлежат мне.

И все же это будет сложно. Очень сложно. Кто захочет, чтобы во главе корпорации стояла молодая, никак себя не зарекомендовавшая женщина? Никто, я в этом уверена.

Сама бы я никак не стала вмешиваться в управление корпорацией. Наняла бы надежного человека с помощью отца, и тот бы представлял мои интересы. Или вообще продала бы свои акции. Да, скорее всего, продала бы... Но теперь... теперь все изменилось.

Одно дело, если бы Егор поставил условия, против которых бы воспротивилась вся моя сущность, тогда бы и речи не шло им следовать. Я бы отказалась от наследства.

Но не сейчас. Я должна хотя бы попытаться занять кресло генерального директора.

Как это сделать? Пока не знаю. Но это не повод терять почти миллиардное состояние.

Как я уже говорила, это будет нелегко, но вполне реально.

Тяжело вздохнув, представив, сколько работы и обучения мне предстоит, смотрю на Владлена Артаковича.

- Спасибо, что не стали зачитывать это при всех.

- Не за что, Александра Николаевна. Я рад, что Егор одумался и переписал завещание в вашу пользу.

Переписал? Значит, все-таки в другом завещании он исполнил свою угрозу и ничего мне не оставил. Но что тогда заставило его изменить решение? В наших отношениях перед его гибелью ничего не поменялось. Потепления не было. Так что его подтолкнуло изменить последнюю волю?

Вопросы, на которые я уже никогда не получу ответов. Да и так ли они мне нужны?

Встаю, оправляю чуть задравшийся черный край юбки-карандаша и говорю:

- Спасибо еще раз. Надеюсь, вы не откажете мне и станете и моим поверенным, - смотрю прямо в лицо мужчине и замечаю, что мои слова ему приходятся по душе.

Владлен Артакович хороший специалист, другие на Егора и не работали, упустить его было бы несусветной глупостью. Поэтому я и решила сразу обговорить дальнейшее сотрудничество.

– С радостью поработаю с вами, Александра Николаевна. И, если позволите, я хотел бы дать вам совет.

– Конечно. Я слушаю, – охотно соглашаюсь.

– Поговорите с Давидом Рустамовичем и заручитесь его поддержкой. Он серьезный и честный мужчина. Он сможет помочь вам устранить пробелы в ваших знаниях и поможет на первых порах при вступлении в должность.

Кто такой Давид Рустамович? Пытаюсь вспомнить, знакома ли я с ним, но никого с таким именем не припоминаю.

Поняв, что я понятия не имею, о ком идет речь, теперь уже мой поверенный поясняет.

– Давид Рустамович – один из акционеров корпорации вашего мужа. Он присутствовал сегодня здесь.

– Он последним выходил? – догадываюсь я, кто именно из двух акционеров тот самый Давид Рустамович.

– Да.

Это хорошо. Он произвел на меня куда лучшее впечатление, чем его компаньон.

– Думаете, он согласится мне помочь? – с сомнением спрашиваю я.

– Это в его интересах. Уверен, вы сможете с ним договориться. Давид Рустамович немало средств вложил в дело вашего супруга, так что он очень заинтересован в успешной работе корпорации. Поговорите с ним, и чем быстрее, тем лучше.

Не верить Владлену Артаковичу повода нет, поэтому я решаю прислушаться к его словам и поговорить с мужчиной.

– Спасибо за совет. Думаю, я им воспользуюсь незамедлительно.

Взяв номер телефона Давида Рустамовича Калиева, прощаюсь с поверенным и покидаю его кабинет.

Выйдя на улицу, сразу замечаю ярко-красную спортивную машину Матвея. Прежде чем друг Егора успевает вылезти из нее и перехватить меня для разговора, преодолеваю расстояние и сажусь в свою машину. Андрей сразу трогается с места, не оставляя и шанса Матвею втянуть меня в бессмысленный и нежеланный разговор.

Конечно, Матвей так просто не отстанет от меня, он довольно упрям и настойчив. Но передышка мне сейчас не помешает. Слишком многое мне предстоит обдумать и сделать.

Глава 10

Последующие два с половиной месяца выдаются тяжелыми. Я практически не нахожусь дома и не вижу с сыном. Для меня это непросто, я привыкла быть всегда рядом с Даней. А теперь, из-за занятости, не могу проводить с ним столько времени, сколько бы мне хотелось.

Даня в свои еще детские годы отнесся с пониманием к маминому отсутствию. Он знал, что я работаю, и хоть скучал по мне, вел себя замечательно.

Да и вообще, после смерти Егора наш сын стал более спокойным.

Причиной моей занятости послужило требование покойного мужа. Заручившись, по совету поверенного, помощью Давида Рустамовича, я начала действовать.

Самым простым было собрать совет акционеров. А вот уговорить их позволить мне стать генеральным директором, даже имея пятьдесят два процента акций, без своевременной помощи мне, скорее всего, не удалось бы. Только благодаря тому, что Давид Рустамович хорошо меня подготовил, я сумела донести акционерам правильные мысли и планы насчет дальнейшей деятельности корпорации.

По-хорошему, генеральным надо было ставить самого Давида Рустамовича или другого опытного руководителя. Но не меня. Я слишком многого еще не понимала, во многом не разбиралась. Но я решила не отчаиваться и не сдаваться.

Желание и упорный труд помогут устранить пробелы в знаниях. Тем более у меня оказалась надежная поддержка. Тот же Давид Рустамович подобрал мне хороших специалистов разных отраслей, которые ежедневно вводили меня в курс дела. Обучали, направляли, подсказывали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/andrianova_lidiya/vse-esche-lyublyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)